

ХАЛТУРА СО ВЗЛОМОМ

Статья Н. О. Лернера

„Страна должна знать, как работают ее ученые“.

Из какого-то еженедельника.

I

Что в литературе называется народно-уголовным термином «халтура»? Производство статей и книг, в которых нет ни ума, ни таланта, ни идейных стремлений, ни серьезных задач, ни простого знания дела, нет ничего того, что составляет душу литературы. Корень халтуры — простое, голое желание «манжакать», но заработать халтурист не хочет, да и не может честным и по этой самой причине не особенно благодарным трудом. Ему бы как-нибудь полегче да поскорее. Расчет простой: издатели «в наше переходное время» иногда народ, не особенно знающий, — эх, как-нибудь сойдет!

В погоне за легким хлебом халтурист иногда хватается через край и, не довольствуясь компиляторскими ножницами и клеем, начинает проявлять чрезмерное проворство руки попросту совершать плагиаты.

Сначала он смиренно переписывал, вырезывал и наклеивал на свою бумагу чужие странички, но славолюбие, с одной стороны, желание поднять свой заработок, с другой стороны, подстрекают его к полному присвоению этого чужого. Вместе скромного литературного «монтажа» появляется похищение.

Ученый специалист по авторскому праву (Я. А. Канторович, «Авторское право»,

Пг., 1916) определял плагиат как «заимствование из чужого произведения идей, мыслей, образов без оригинальной их переработки, без приложения творческой самостоятельности. В этом виде, — говорил он, — заимствование не поддается преследованию со стороны закона, но оно может преследоваться судом научной и литературной критики как безнравственное, нетерпимое явление». То же самое говорил другой исследователь (проф. Шершеневич): «несоставляя явления противозаконного, плагиат считается явлением безнравственным, противоречащим правилам литературной жизни и потому подлежащим строгому приговору литературной критики». Итак литературный похититель в отличие от обыкновенного похитителя не боится ни следователя, ни прокурора, с ужимкой проходит мимо здания суда, в котором судят простых правонарушителей, даже может состоять членом союза писателей или иной почтенной литературной организации и в качестве такового иметь голос при обсуждении норм литературной этики и вообще устанавливать так называемые хорошие нравы. Если критика не обратила на него внимания, он будет и дальше «хранить свой гордый вид». Если же она его заметила, тоже не беда. Прошли времена, когда уличенный в подобном поступке куда-то прятался и, если не стыдился, то хоть старался сделать вид, будто стыдится. Теперешний плагиатор не видит в этом необходимости.

Мы говорим сейчас не о тех беднягах, у которых нет своих мнений, своих мыслей, не о тех, которые, как заметил Паскаль, должны были бы говорить не «моя книга», а «наша книга», потому что в их книгах больше чужого, чем своего. Литература полным полно такими слабыми, ненужными, несамостоятельными людьми, — не о них речь, а о прямых похитителях чужого, о людях, злостно присваивающих чужие труды и выдающих себя за их авторов.

II

Вот пред мной книга Э. Голлербаха «История гравюры и литографии в России». Ее скорее можно причислить к области явлений криминальных, чем — научно-литературных. Вся глава «Литография в России и ее развитие в XIX в.» — неуклюжий пересказ книжки В. Я. Адарюкова «Очерк по истории литографии в России». Беспомощный «автор» злоупотребляет не только чужим знанием, но и чужим незнанием. Так, Адарюков указывает на три литографии В. А. Жуковского, приложенные к его «Сельскому кладбищу», которое издано «без года и места печати». — Голлербах конечно повторил это указание, но оно неверно: речь здесь идет об отдельном оттиске из «Современника» 1839 г. т. XVI. На протяжении всей книги Голлербах уныло тянет свою волюнку (на обложке недаром изображен волюнщик) без склада и лада, жалко путаясь в материалах самого разнообразного характера и совсем изнемогая там, где готового материала нет и нужно было бы самому что-нибудь сделать. Надо не очень много смыслить, чтобы в книге о русской гравюре не сказать ни одного слова о таком выдающемся мастере, как Флоров: зато дан длинный список работ Флорова, целиком списанный из «Подробного словаря русских гравюров» Ровинского (как и целый ряд других таких списков). Едва ли не самый «красивый номер» в «книге» Голлербаха представляют страницы 88—90. Все сказанное здесь о книжке В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки» спи-

сано из статьи моей «Из истории русской ксилографии», напечатанной в «Жизни искусства» (1920 г., №№ 422—423).

«Прием его был очень прост». Голлербах перепечатал большую часть моей статьи слово в слово, не указав имени автора, не назвав издания, где она была помещена, даже не поставив кавычек, т. е. спокойно выдал чужое за свое. Голлербах не сделал даже глухого указания на заимствование: в приложенной к книге «Библиографии», где перечислено много журнальных и газетных статей, эта статья, так щедро им «использованная», вовсе не упомянута.

Но и этого мало. В одном месте у меня говорится:

«С этой же сказкой связан, как довелось мне писать однажды («О рисунках Гоголя» — «Бирюзовые ведомости», 1915 г., № 15257), рисунок Н. В. Гоголя, изображающий стоящую под стекляннм колпаком куклу в узком корсаже и в шляпке. Известно из одного письма Гоголя, что он наблюдал за печатанием «Пестрых сказок» и, значит, имел к этой книжке близкое отношение. — рисунок Гоголя опубликован несколько лет назад профессором М. Н. Сперанским в сборнике московского общества истории литературы «Беседы»; в «Пестрых сказках» он был использован». Слова, отмеченные здесь курсивом, Голлербах исключил и попал в еще большую беду. Дело в том, что ни в статье М. Н. Сперанского, Голлербаху неизвестной, ни в письме Гоголя, тоже очевидно ему неизвестном, ни слова не сказано об отношении данного рисунка к «Пестрым сказкам», и именно я связывал его с ними в статье «О рисунках Гоголя».

Вы думаете, что на этом Голлербах остановился? Ошибаетесь. Спихавшись, что дерзкая проделка может не сойти даром с рук, и желая отнять у ограбленного возможность жаловаться, Голлербах вскоре по выходе своей книги напечатал «Письмо в редакцию». По его словам, он только «основывался» на, как он небрежно

выразился, «заметке» моей (ах, какой неблагоприятный! ведь этой заметки ему хватило на три страницы, которые принесли же ему какой-нибудь гонорар, по строгой справедливости рассуждая, за мой счет) и при этом им была «опущена ссылка» на нее, о чем он и «счел долгом заявить» «во избежании недоразумений». Ну, о недоразумениях Голлербаху нечего беспокоиться: едва ли кто-нибудь «недоразумет» в его поступке кражи. Неужели списать чужую статью, списать слово в слово, исключив из нее лишь те две строчки, в которых содержится прямое указание на действительного автора, и не прибавив от себя ни одного слова, значит «основываться»? Основательно же работает г. Голлербах, и имя его работе — плагиат.

III

Когда-то я отнес черновое стихотворение Пушкина «Восстань, о Греция, восстань» к 1821 г. («Русск. стар.» 1908, март, 661—662; сочин. Пушкина, изд. Венгерова, II, 615—616; «Труды и дни П-на», изд. 2-ое, стр. 485—486). Впоследствии я вернулся к этой пьесе и посылал ей статью, в которой пересмотрел вопрос об ее дате и тексте («Стихи о Греции» (Текст и хронология) — «Русск. библиофил.» 1911 г. № 5, стр. 62—66). Вчитавшись в сообщенную И. А. Шляпкиным транскрипцию рукописи и в приведенные им и, ранее, Анненковым редакции, я писал: «Подлинник, находящийся ныне у Шляпкина, был в руках Анненкова; и по описанию, и по прямому свидетельству Шляпкина это — черновик. Переделанная Анненковым «беловая» пьеса озаглавлена: «П л а н стихотворения, из чего следует, что Анненков пользовался неперебеленным авторским текстом, и что не Пушкину, а Анненкову принадлежит «чистота отделки», сквозь которую слишком явно просвечивают чуждые привязанные к шестому стиху — «святые мраморы» и «гроба». Последним обстоятельством особенно подкрепляется наше убеждение, что у Анненкова

двух черновых редакций не было, а была только одна, описанная Шляпкиным черновиком, которую Анненков переделал начисто, переставив строфы, извратив иные слова, но из некоторой осторожности предупредив читателя, что это не вполне отделанная автором пьеса, а только план». Затем я заявил, что «присоединюсь всецело» к предположению Шляпкина (последнему из трех), «что Анненков по-своему определил дату, прочел и напечатал стихотворение», отказался от моей прежней датировки (1821 г.) и подробно объяснил, что пьесе «следует датировать приблизительно сентябрем-декабром 1829 г. и вносить в собрания сочинений Пушкина не в анненковской редакции, авторитетность которой не только ничем не оправдывается, но всеми вышесказанными доводами совершенно уничтожается, а в том виде, в каком набросано она самим поэтом; шляпкинскую передачу, хотя и более осторожную, по тем же соображениям также нужно оставить в стороне и обратиться, как во всех подобных случаях, к автографу, — этот рациональный прием избавит собрание произведений Пушкина от лишнего, плохо компанованного и в значительной степени не-пушкинского стихотворения».

Прошло много лет, и вот в XXXVI выпуске сборника «Пушкин и его современники», стр. 12—19, я нахожу статью М. Л. Гофмана «Из ненапечатанных и непрочитанных стихотворений Пушкина. 2. Восстань, о Греция, восстань». Здесь Гофман говорит, что «Пушкин не в 1823, а только в 1829—1830 г.г. начал набрасывать это стихотворение», что Анненков опубликовал рукопись «по данному черновику» (печатанием с черновика и объясняется странное заглавие Анненкова) в страшной, неоправдываемой автографом редакции: «План стихотворения в честь Греции», что «Анненков печатает стихотворение именно по этой рукописи (не забудем и того, что она перешла к Шляпкину именно от Анненкова), и что он допускает целый ряд больших и малых ошибок»..

Заключает же Гофман так: «Выскажем наше (!) скромное мнение: для нас «единственным первоисточником» является не Анненков, а Пушкин, его подлинная, сохранившаяся рукопись, и авторитету рукописи Пушкина мы гораздо более доверим, чем всем авторитетам наших пушкинистов».

Просту говоря, Г. Гофман повторил все тезисы моей статьи, помещенной в «Русском библиофиле», и не сослался на нее. Это не удивительно: приемы Гофмана давно известны, и он уже не в первый раз присваивает себе чужое. Нельзя не прибавить, что тут же Г. Гофман небрежно пожурил обокраденного за старое приурочение пьесы к 1821 г., от которого тот сам давно отказался, и блистательно опроверг его... его же доводами. Как сердиться на Гофмана? Это присущая ему манера, которой мы в праве дать не столько литературную, сколько прямо криминальную квалификацию. Рядом с этой заметкой победоносный «автор» напечатал (стр. 18-20) еще одну — «Ненаписанное стихотворение Пушкина («После битвы»)». «Здесь он говорит о другом шляпкинском «извлечении»: «Мы не только отказываемся извлекать из этого наброска связанное чтение, но и настаиваем на невозможности и недопустимости такого извлечения — вольной композиции; в принятом связанном виде эти строки должны быть изъяты из сочинений Пушкина».

Чтобы читатель мог и в данном случае достойно оценить самостоятельность Гофмана и всю прелесть этого гордого «мы», приведем сказанное гораздо ранее о том же черновике другим пушкинистом, П. Е. Щеголевым, статью которого («Ненаписанные стихотворения А. С. Пушкина» — «Историч. Вестник», 1904 г., январь, 269—270) Гофман «использовал» здесь опять — таки без указания источника. «По этим строкам, — говорит Щеголев, слистав шляпкинскую редакцию с транскрипцией черновика, — невозможно даже добраться до смысла той вариации, которую имел в виду поэт; как же можно пытаться восстанавливать из них бе-

ловые стихи? Возможен конечно только отрицательный ответ на вопрос, можно ли занести в собрание сочинений Пушкина новое стихотворение поэта («После битвы»).

Что значит привычка! В белогвардейских парижских «Последних новостях» (1924 г., № 1435) передовая статья на первой странице предупреждала читателя, что он «прочтет сегодня у нас неизданные строфы, восстановленные известным пушкинистом М. Л. Гофманом», а на второй странице, в фельетоне («Пушкин и декабристы») г. Гофман, за собственную подписью, заверял, что приводимые им отрывки из Пушкина «сверены нами с подлинною рукописью, и курсивым отмечены слова, разобранные нами предположительно...» Это был наглый обман: отрывки из сожженной главы «Евгения Онегина», разобранные и опубликованные в 1910 г. П. О. Морозовым, с тех пор печатаются во всех изданиях сочинений Пушкина. Еще раньше г. Гофман приписал себе наблюдение над фабулистическим сходством «Капитанской дочки» с «Эдинбургской темницей» В. Скотта, сделанное лет сорок тому назад А. Д. Галаховым. И еще не один такой поступок числится за г. белогвардейским «Пушкиноведом» Гофманом. Вообще список статей его можно назвать «статейным списком».

IV

Вот передо мною университетский учебник, изданный в Баку. «Проф. А. В. Багрий. Русская литература XIX — первой четверти XX вв. Пособие к лекциям. Издание восточного факультета Азербейджанского государственного университета». Цель книги в 450 страниц — «ознакомление студентов-словесников с новейшими достижениям в науке главным образом в области соприкосновения и формального изучения литературы». Перелистываю... Кавычки, кавычки, кавычки, — в глазах зарябило. Слишком много кавычек! Но когда я стал читать книгу, то убедился, что, напротив, кавычек в ней слишком мало. На страницах книги проф. Багрия я встретил

множество старых знакомых, которых я легко узнал, несмотря на то, что «профессор» и не подумал назвать их публице. О том, что книга проф. Багрия—незлая, ненужная книга, вызывающая жалость и к «составителю» (назовем его покамест этим именем) и к молодым людям, на долю которых выпало несчастье быть слушателями подобного ученого, я говорить не стану, но как назвать такой прием? Приведу рядом тексты проф. Багрия и других авторов, которых он почтил своим вниманием.

«Вся роскошь, все богатство изобразительных средств, которыми он владел, достались его стиху. Лирического волнения не чувствуется нигде в его прозе, ровной, спокойной, — она эпична... Пушкин определял раз навсегда, что проза — язык мысли, стихи — язык вдохновения, лирического волнения... Прозаический язык Пушкину приходилось еще только выковырять... Язык Пушкина пестреет иалмизмами. Он их не только не избегал, но очень охотно ими пользовался... Изучение живой народной речи, старой письменности и великое художественное чутье сделали свое дело. Чувствуя слабость и бедность русской литературы вообще в отношении прозы, Пушкин старался о насажении прозы. К прозаикам он относился гораздо снисходительнее, чем к поэтам, и всячески поощрял их.

(Н. Лернер, «Проза Пушкина», издание 2-ое, 1923 г., глава I).

«Проза Пушкина отличается крайней скудностью изобразительных средств. Лирики в ней нет. Она эпична и спокойна. Сам Пушкин резко ограничивал стихи от прозы, считая, что стихи — язык вдохновения, лирического волнения, проза же — язык мысли. В 20 — 30-х годах XIX века прозаический язык еще не было, и задача создать его выпала на долю Пушкина. Язык его пестреет иалмизмами, которых он не избегал, а, напротив, охотно пользовался ими, но наряду с этим он изучал живую народную речь и старую письменность. Создал бедность русской прозаической литературы, Пушкин стремился насажать ее, всячески поощрял прозаиков...» и т. д.

(А. В. Багрий, стр. 37).

Еще пример—об Аполлоне Григорьеве. Читая сказанное у А. В. Багрия о великом критике, я не мог не вспомнить прекрасной, большой статьи В. Спиридонова (в вышедшем под его редакцией I томе сочинений Григорьева, изд. П. П. Иванова, 1918 г.). Зная уже по началу книги А. В. Багрия его «свычай и обычай», я не ошибся. Так оно и оказалось. Не угодно ли полюбоваться?

«Первое место в ряде критических работ Григорьева за этот период как по количеству, так и по качеству занимают его статьи о театре, куда входят обзоры спектаклей в петербургских театрах и статьи теоретического характера: «Об элементах драмы в нынешнем русском обществе» и «Русская драма и русская сцена»... Замечательно, что уже в первых театральном-критических статьях Григорьева определенно намечались его основные взгляды на театр и драматическое искусство. В дальнейшем он только углублял и развивал эти взгляды в своих многочисленных статьях, которые писал преимущественно в связи с деятельностью Островского... А теперь перейдем к его художественной критике...»

(В. Спиридонов, стр. LXVII).

«Первое место в ряде критических работ Григорьева за первый (петербургский) период его жизни как по количеству, так и по качеству занимают статьи о театре, куда входят обзоры спектаклей в петербургских театрах и статьи теоретического характера: «Об элементах драмы в нынешнем русском обществе», «Русская драма и русская сцена». Уже в первых театральном-критических статьях Григорьева намечались его основные взгляды на театр и драматическое искусство. В дальнейшем он только углублял и развивал эти взгляды в своих статьях, которые писал в связи с деятельностью Островского. В области художественной критики...» и т. д.

(А. В. Багрий, стр. 102).

Что, не удруно?

Воздержусь от дальнейших параллелей и скажу лишь, что почти все сказанное у А. В. Багрия (но не Багрием конечно) о Григорьеве на стр. 102—104

взято у В. Спиридонова (стр. LXVII, LXVIII, LXXIII, LXXXIII — LXXXVII).

А. В. Багрий так бездарен, что ни о чем не может сказать своего слова, — хорошего в этот мало. Но еще хуже, что беззастенчивый плагиат снабжен университетской санкцией, что «профессор» появляется на кафедре перед молодыми слушателями в кое-как, наспех переделанном чужом платье. Конечно не всякий профессор — Гумбольдт, и можно быть скромным тапетером-от-науки: (и такие годятся за отсутствием лучших), но прежде всего профессору следует иметь право на уважение. Неужели проф. Багрию не стыдно перед своими студентами?

V

Не знаю, профессор ли уже И. С. Зильберштейн, или нет еще.

Во всяком случае профессор А. В. Багрий мог бы взять его в свои ассистенты для упрочения почтенной «научно-литературной» школы, которую они оба достойно представляют. И. С. Зильберштейну принадлежит брошюрка «Из бумаг Пушкина (Новые материалы)». Какова научная ценность этой работы, видно из того, что три пушкиниста: Б. Л. Модзалевский, Ю. Г. Оксман и Б. В. Томашевский, которых автор вздумал поблагодарить в предисловии «за внимание и теплое отношение», возмущались этой благодарностью, и автору пришлось печатно заявить, что они с его работой «не были знакомы ни в рукописи ни в корректуре».

И действительно: такая благодарность хуже всякой клеветы. Брошюрка и нелепа, и малограмотна, и хвастлива, и уж конечно не без плагиата. Все, что сказано у И. Зильберштейна на стр. 32 — 38 об одном набросанном Пушкиным плане, заимствовано им из моей статьи «Пушкинский замысел Ревизора», напечатанной в газете «Речь», 1913 г., № 128. И. С. Зильберштейн был даже настолько ~~малодушен~~ развязен, что например «самостоятельно» исправил чужую ошибку, именно вот каким образом.

«Морозов предполагает, что листок с программой «Ревизора», вернувшийся теперь в Россию, был дан Гоголю, который его затерял где-нибудь за границей. Это неверно. На листке есть пометка красными чернилами — «76»: это — след нумерации бумаг Пушкина, которые были после смерти Пушкина, по высочайшему повелению, описаны в кабинете Пушкина начальником штаба корпуса жандармов Дубельтом. Значит программа эта, набросанная Пушкиным для себя, не была в руках Гоголя, комедия которого в 1836 г. была уже и напечатана и поставлена на сценах обеих столиц. «Ревизор» писался в 1834 — 1835 г. Пушкинскую программу, бумага которой носит клеймо 1832 г., можно отнести к 1832 — 1833 г.»

(«Речь», 1913 г., № 128).

«Следует отметить еще одно ошибочное предположение в комментариях Морозова к этой программе. Здесь он высказал между прочим мысль, что самый этот листок, вернувшийся теперь в Россию из-за границы путем приобретения его у антиквара, был дан Пушкиным Гоголю, который его где-то затерял во время своих зарубежных поездок. Но жандармская цифра «76», красующаяся в центре этого листка, делает эту догадку ошибочной, так как она самым категорическим образом указывает на то, что до самого момента смерти Пушкина этот листок находился у него; после его смерти с другими бумагами этот автограф попал в руки жандармов, которые занумеровали его».

(И. С. Зильберштейн, стр. 37-38).

Недавно, к Грибоедовскому столетнему юбилею, вышла книга «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников» с «комментариями» того же уже ниже уличенного нами в плагиате И. С. Зильберштейна (изд. «Федерация», М., 1929). Не буду говорить об этом сборнике по существу, а остановлюсь лишь на комментариях.

Одна из самых интересных глав сборника и вместе с тем самая крупная — «Рассказы об А. С. Грибоедове, записанные со слов его друзей» Д. А. Смирновым. Они были опубликованы Н. В. Шаломытовым, отличным знатоком Грибоедова, в «Истори-

ческом вестнике», 1909 г., №№ 3 - 4, и в «Ежегоднике импер. театров» 1907—8 г. Перепечатывал их, И. С. Зильберштейн говорит во вступительной заметке, что у Смирнова и у друзей Грибоедова были «неточности и прямые ошибки», но что «все это по возможности исправлено нами (1) в подстрочных примечаниях». Читатель не может не проникнуться убеждением, что примечания, да еще столь критические, принадлежат всецело И. С. Зильберштейну. И вот на 75 страницах гянутост эти примечания. И что же? Большая часть их (более 80 из 100)—простая перепечатка примечаний Шаломытова, которому принадлежат самые крупные и серьезные (И. С. Зильберштейном прибавлены пустяки). Некоторые из них были подписаны: одни—«Н. Шаломытов», другие—«Н. Ш.»,—И. С. Зильберштейн подписи автора предвзвотрительно снял. Местами он переделывает чужой текст. «Мы не нашли», — пишет Шаломытов, «Не пмеется», — заменяет Зильберштейн. «12 стихов мы нашли в статье Булгарина», — пишет Шаломытов, «12 стихов были опубликованы в статье Булгарина», — пишет Зильберштейн.

Шаломытов в своих примечаниях в первые опубликовал один интересный документ, относящийся к столкновению Завадовского с Шереметевым (в котором участвовал Грибоедов), — И. С. Зильберштейну захотелось его перепечатать, но он не сослался на Шаломытова и «Истор. вестник», а глухо окрестил этот документ: «малопзвестная (?) в печати выписка». Хитро придумано, не правда ли? Только один раз проскочила подпись Н. Шаломытова, — должно быть «автор», «возмущась и спеша», забыл ее зачеркнуть. Не знаю, насколько самостоятелен И. С. Зильберштейн по отношению к другим материалам, включенным в сборник, но судя по такому бесперемонному и широкому использованию работы Шаломытова, надо думать, что расследование других частей сборника должно дать такие же результаты. В одном

случае Шаломытов впрочем подвел мало грамотного, но зато много наглого Зильберштейна, плохо разбирающегося в том, что в руки плавает. М. С. Щепкин сказал Смирнову, что в 1831 г. просидел недели две в холерном карантине «на станции... как бишь ее? На Б начинается... Ну, да там, где Ильмень-озеро». По этому поводу Шаломытов заметил, что станция эта — «Бронницы, под Москвой, что же касается до Ильмень-озера, то или тут изменила память совсем Щепкину, или Смирнов его не понял». Ошибся тут однако не Щепкин и не Смирнов, а Шаломытов: была, да и сейчас есть, на Московском шоссе, в Новгородской губернии, близ Ильменя, станция (ям) с тем же именем Бронницы.

«Пушкинвизит» и «Грибоедов» И. С. Зильберштейн в числе прочего имущества присвоил себе и ошибку Шаломытова.

Худо конечно не то, что Зильберштейн перепечатал примечания Шаломытова, тем более, что сам он не мог бы сделать лучших, а то, что он скрыл от читателей его имя. Была бы простая халтура, а так — вышла халтура со взломом.

«О, роковая жажда славы!».

VI

Плагат — одно из самых глупых преступлений, так как оставляет по себе неистребимые следы, по которым во всякое время может быть обнаружен. Кроме того, он принадлежит к самым гнусным преступлениям не только потому, что его объектом является хуже всех охраняемый законом вид собственности, умственный труд в наиболее доступной для общего пользования форме, но еще и потому, что он может причинить тяжелый моральный вред жертве. Когда у писателя украден кошелек, то он лишился только кошелька, но когда у него украдена статья, то он рискует попасть иной раз в довольно опасное положение. Не всегда обокраденный во-время узнает о плагиате и успеет обличить похитителя. Если настоящий автор перепечатает где-нибудь свою статью, которой

же «оказал честь» неведомый ему плагиатор, или хоть снова повторит изложенные в ней мысли, многие читатели, уже знакомые с предметом по плагиату, примут жертву за виновника и обратно. Этой опасности подвергается человек, у которого взяты без спросу часы или носовой платок.

«Берегите ваши вещи!» Кто не видал на вокзалах и в трамвайных вагонах этого предостережения?.. Трудно себе представить, насколько оно помогает пассажирам уберечь свои корзины и чемоданы. Но что

у писателей нет никакой возможности избавиться от литературных похитителей, тому можно привести еще множество примеров.

Какое в самом деле противоречие! Формальный закон не карает литературных мародеров, предоставляя общественному мнению «казнить их стыдом», но ведь в основе плагиата лежит прежде всего бесстыдство.

Продолжайте, господа Зильберштейны, спокойно ваше «ремесло»... история вас не забудет!

